

МАРИЯ РЕУТСКАЯ

НАДЕНЬКА

МОСКВА

МАРИЯ РЕУТСКАЯ

НАДЕНЬКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р44

Иллюстрация на обложке *Максима Костенко*

Реутская, Мария.

Р44 Наденька / Мария Реутская. — Москва : Реутская М.А.,
2025. — 304 с. — (Мастера прозы).

ISBN 978-5-600-04562-0

В дождливую ночь, когда старая усадьба Шуваловых погружается в тишину и забвение, Наденька, младшая дочь аристократического рода, сталкивается с испытанием, которое изменит всю ее жизнь. Внезапный удар судьбы заставляет ее стать взрослой слишком рано: забыть о мечтах и взять на себя заботу о семье, доме и долгах.

В этом новом мире Наденьке приходится не только бороться за выживание, но и сделать непростой выбор между двумя мужчинами: мужем, с которым ее связывает долг и прошлое, и человеком, который пробуждает в ней настоящие чувства. Любовный треугольник, где нет простых решений, превращает каждый день в испытание — и шанс на новую жизнь.

Мария Реутская погружает читателя в атмосферу золотого века русской культуры, раскрывая сложные отношения, внутренние конфликты и настоящие чувства. «Наденька» — это романтическая драма о взрослении, ошибках и поиске себя в мире, где все меняется слишком быстро.

Для тех, кто любит семейные истории, блеск салонов и балов XIX века и героинь, которым действительно хочется сопереживать — эта книга не отпустит вас до самой последней страницы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-600-04562-0

© Мария Реутская, текст, 2025
© Максим Костенко, иллюстрация, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»

Часть 1

Глава 1

Сумрак ворвался в тихий, безмятежно дремлющий край, окутав его траурным покрывалом приближающейся ночи. Медленно, еле уловимо по небу плыли облака, оставляя на земле тени, скользящие по некошеной желтеющей траве. На ветвях березы одиноко качалась иволга, тоскливо вглядываясь туда, куда солнце уносило тепло. С такими вечерами уходит лето...

Большая помещичья усадьба одиноко раскинулась под кронами высоких тополей. Белые колонны едва удерживали громоздкий фронтон; деревянные флигели, расположившиеся с его правой стороны, покосились и заросли чертополохом. Створки окон на первом этаже были распахнуты, и по комнатам гулял сквозняк. Старый обветшалый дом, тенистый сад с заросшими бурьяном аллеями — все это унылое великолепие так естественно вписывалось в пейзаж средней полосы России, что казалось, было создано не человеком, а самой природой. Ничто здесь не напоминало о наступлении последней четверти XIX века, все было окутано печалью, в одиночестве и безмолвии, без движения, без жизни. Что-то шевельнулось в воздухе: случайный по-

рыв по-осеннему холодного ветра унес с собой остатки затухающего дня.

Темное пятно вдали медленно приобретало очертания четырехместного крытого экипажа. Несущиеся во весь опор лошади поднимали столбы пыли. Изморенные долгой дорогой, они гнали из последних сил. Скрип рессор и топот копыт нарушали тишину и спокойствие вечера.

Прошло совсем немного времени, прежде чем пыльный экипаж въехал на центральную аллею и остановился перед парадным подъездом. Из экипажа вышел мужчина лет тридцати с небольшим. Он был высокого роста, широк в плечах, держался прямо и немного надменно, но без резкости в небрежных размеренных движениях. Густые темно-русые волосы были коротко острижены и зачесаны назад. Черты его лица — темные, глубоко посаженные глаза, густые брови, одна чуть выше другой, правильной формы нос, широкий подбородок — все говорило о железной воле и упрямстве.

Мужчина был одет по последней моде в дорогой твидовый костюм свободного кроя, на глаза надвинута мягкая фетровая шляпа. Ему было достаточно взгляда, чтобы оценить значимость тех изменений, которые произошли здесь за годы его отсутствия.

Между прошлым и настоящим усадьбы лежала пропасть. От пронизательного взгляда не ускользнула ни единая мелочь. Теперь поместье производило гнетущее впечатление. Когда-то знаменитая своими размерами и роскошью усадьба стояла в руинах. Что-то сильно кольнуло его в самое сердце и разлилось по венам: оцепенение от тоски.

Но то была минутная слабость. Сантименты — удел стариков. Он нахмурился, и на лбу выступили чуть заметные морщинки.

Молодой граф Шувалов тяжело вздохнул и, помедлив несколько секунд, вошел в дом. Под ногами скрипнули половицы.

Он с трудом вглядывался в темноту прихожей, но через мгновение глаза привыкли к сумраку. Он узнал старую палисандровую мебель, пылившуюся по темным углам, комоды, шкафы, в которых хранились давно забытые вещи. Фигуры знаменитых предков надменно и с презрением смотрели с портретов на своего незадачливого потомка.

На старом комоде в окружении дешевых старомодных безделушек он случайно заметил камерный портрет сорокалетней женщины в белом. Она была изображена с высокой прической, какие носили в середине века. Горностаевая горжетка небрежно накинута на узкие худые плечи, на груди — жемчужное ожерелье. Женщина смотрела на него своими большими серыми с поволокой глазами, в которых одновременно читалась надменность и невыразимая тоска. Узкая полоска бледных, плотно сжатых в нервной улыбке губ, тонкая шея, уже тронутая незаметно приближающейся осенью, длинные пальцы и полупрозрачные в своей бледности кисти рук... — Шувалов запомнил ее именно такой...

Он взял портрет в руки, чтобы лучше рассмотреть знакомое родное лицо матери, бывшей к нему такой жестокой. «Елена Павловна Шувалова, урожденная Луцкая». К горлу подступил комок. Шувалов еще раз огляделся. Похоже, никто не заметил его приезда.

Граф сделал несколько шагов и неожиданно услышал грозное рычание. Прижав уши и злобно оскалившись,

старая рыжая борзая медленно приближалась к Шувалову.

— Арго, это ты? Не признала меня! — молодой граф приблизился к собаке и протянул к ней руку, чтобы потрепать по холке. Борзая сначала огрызнулась, потом вдруг застыла на месте, принюхиваясь. Неожиданно собака резко взвизгнула, заискивающе заскулила и, отчаянно виляя хвостом, бросилась к старому хозяину.

— Арго, ко мне! — послышался сиплый голос. — Ах ты, анафема! — Шувалов различил шаркающие шаги старого слуги, который теперь с трудом передвигал ноги.

— Кто здесь? — угрожающе крикнул вошедший, с трудом вглядываясь в темноту прихожей. — Денис, ты?

Шувалов долго не отзывался. Ему вдруг страстно захотелось забыть о прошедших годах и снова окунуться в беспечную юность. Он хотел насладиться этим безвременьем; стать неузнаваемым, чтобы исчезли все правила и различия. Ему было приятно окунуться в воспоминания, навеянные видом старого пса и старика Осипа, его бывшего гувернера. Несмотря на морщины, лицо старика по-прежнему светилось заботой. Как часто в детстве эти глаза были спасением от непреступной холодности матери!

— Ваше сиятельство... Николай Федорович! — дрожа от охватившего его радостного волнения, воскликнул старик, наконец узнав в незнакомце молодого графа. — А я-то сослепу не признал вас, прости господи!..

Осип вдруг начал бормотать что-то себе под нос, разводя руками и качая головой. Ему хотелось пожаловаться своему воспитаннику на жизнь, на безвозвратно ушедшее время. Однако от волнения старик так и не смог сказать того, что было у него на душе.

— Николай Федорович, ну хоть плечико поцеловать, барин... — старичок расчувствовался, едва сдерживая слезы. Шу-

валов крепко обнял его. На секунду с него слетели напряжение и тревога, которые он накопил за время своего путешествия.

— Ты таки дождался меня, милый мой старик, — тепло проговорил Шувалов.

— Ах, Николай Федорович, а я уже не чаял увидеть вас на своем веку! — лепетал Осип.

— Ну-ну, будет, будет. — Шувалову захотелось немного остудить его пыл. Это был лишь минутный порыв — дань воспоминаниям молодости.

Тем временем извозчик внес в дом немногочисленный багаж графа.

— Куда прикажете? — пробурчал он, недоверчиво оглядываясь по сторонам.

— Оставьте здесь, — распорядился Шувалов, сунув ему в руку несколько монет.

Осип глядел на кучера с явным неодобрением. Во всех чужаках ему виделись мошенники. Наконец, когда все было улажено, граф Николай Федорович смог перевести дух.

— Как домашние? — Шувалов с трудом сохранял спокойствие. Он не видел отца более пяти лет. После смерти матери граф почти порвал с собственной семьей. Лишь редкие письма сестры, полные презрения и ненависти... Последнее он получил три месяца назад.

— Ах, Николай Федорович... — старик тяжело вдохнул, утирая тыльной стороной ладони слезящиеся глаза. — После удара совсем плох был ваш батюшка... Никто уже не верил, что он оправится...

— А что Наденька?

Шувалов заметил, как просветлело лицо старика при упоминании имени графини.

— Ах, Николай Федорович, — с охотой залепетал он, — Надежда Федоровна — наш ангел-хранитель. Ее заботой и молитвами мы еще живы.

Шувалов грустно усмехнулся. Ему вдруг вспомнились письма сестры, ее презрительно-высокомерный тон, ее обвинения и упреки, ее мелочность и обидчивость.

Возможно, на то были свои причины.

— Ну и где же ее сиятельство? — спросил Шувалов, язвительно усмехнувшись. Осип широко улыбнулся молодому графу той наивной улыбкой, какая бывает у стариков, выпадающих в детство или в беспамятство.

— Графиня наемни уехала в Москву, — отвечал он. — Мы ведь не ждали вас раньше завтрашнего дня.

— А отец? Он у себя?

— Федор Савельевич уже легли, — Осип вздохнул. — Я прикажу доложить...

— Нет-нет... — Николай Федорович остановил слугу. — Не нужно его беспокоить. Лучше завтра утром, — мрачно добавил граф.

Осип кивнул.

— Я очень устал...

Казалось, только теперь Шувалов почувствовал всю тяжесть прошедшего в дороге дня.

— Комнаты готовы, пожалуйста, — медленно проговорил старик.

Шувалов поднялся по широкой лестнице на второй этаж и прошел по длинному темному коридору. В суете он забыл попросить у Осипа керосиновую лампу, но теперь ему не хотелось возвращаться. Дверь комнаты пришлось искать в потемках. Но поиски не заняли много времени: память бережно хранила воспоминания прошлых лет. Он и теперь мог сказать, какая из комнат служила для приема гостей, какая была предназначена для отдыха, а какие помещения принадлежали матери...

С этой усадьбой было связано слишком много. Вероятно, именно поэтому он помнил все до мельчайших деталей.

Шувалов вошел в комнату, плотно затворив за собой дверь. Только теперь он мог вздохнуть с облегчением. Граф закрыл глаза, прислонившись к двери, и вдохнул столь знакомый ему запах палисандровой мебели, смешанный со сладковатым запахом мяты, шиповника и мелиссы, которые росли под его окнами. Он подошел к окну и распахнул створки. Солнце окончательно скрылось за горизонтом, небо хмурилось, пахло свежестью и прохладой последнего летнего месяца. Шувалов разделся, быстро лег и тут же забылся крепким сном.

ГЛАВА 2

Наутро граф проснулся довольно поздно. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, одаривая землю щедротами тепла и света. В этот день ничто не напоминало о приближающейся осени.

Большой приусадебный сад благоухал пряными травами: мятой, базиликом и тимьяном; обвитые цепкими побегами дикого винограда беседки манили желанной прохладой. Стройные фигуры заросших лебедой греческих статуй тщетно пытались согреть мрамор своих белоснежных тел в лучах утреннего солнца. Границы сада окаймляли густые кроны деревьев, скрывая его неухоженные прелести от постороннего взгляда.

Шувалов потянулся в мягкой постели, бережно хранившей воспоминания прошлых лет, и, помедлив несколько минут, поднялся с большой неохотой. Он всегда тратил много времени на туалет, но теперь не мог позволить себе сосредоточиться на вещах столь приземленных. Несмотря на присущий его характеру прагматизм, сегодня граф был настроен на мечтательный лад. Один день еще можно было потратить впустую...

Шувалов оглядел свою комнату внимательно, с особой тщательностью, словно боясь упустить что-то важное.

Все здесь оставалось на своих местах так, как пять лет назад, но было словно покрыто пылью времен. Покосившаяся мебель из карельской березы, выцветшие диван и кресла, обитые багряным бархатом, протертые на сиденье и подлокотниках, большие каминные часы, вечно опаздывающие на четверть...

Он вспомнил время былой славы семейства Шуваловых. Роскошные особняки, светские рауты, многочисленные поездки по Европе и игра – рулетка, бридж, баккара, покер, бесконечные ставки, проигрыши, еще большие ставки... Безумная любовь к игре и перемене мест... эти привычки тянулись со времен деда и стали тяжелым наследством потомков.

А теперь... это было так давно, как будто в другой жизни или во сне. Куда все девалось? Вся эта громкая роскошь, к которой привыкли Шуваловы, канула в небытие, а разорившаяся семья предана забвению.

Семейство графа тратило деньги с легкостью, присущей только очень состоятельным и очень недалеким людям. Напоминание о долге другим было моветоном, до которого Шуваловы никогда не позволили бы себе опуститься. Они считали себя людьми благородными и не привыкли думать о своих тратах. Деньги всегда были в излишке, а мысль о том, что они могут закончиться, казалась абсурдной.

То легкомыслие, с которым Шуваловы проматывали свое состояние, теперь казалось Николаю Федоровичу чудовищным, но привычки семьи, формировавшиеся десятилетиями, изменить было невозможно. Рост непомерных расходов прекратился лишь с потерей всего. Матушка графа еще застала закат славы Шуваловых. Она видела, как рушится империя, как по камешкам ее разносят кре-

диторы, как вежливо и в то же время настойчиво ее семью отзывают от великосветских гостиных.

Хрупкая и ранимая душа Елены Павловны не выдержала такого позора.

Отец графа Федор Савельевич был человеком слабым и безвольным. Его доброта и великодушие граничили с расточительством, его щедрость стала самым серьезным его пороком, так как не имела границ. Бесконечные траты, долги, покупки домов, поездки за границу — все это стало причиной разорения, которое стерло с лица земли ту славу, которую когда-то приносила Шуваловым богатство.

А старший сын Шуваловых, молодой граф Алексей Федорович, окончательно разорил семью мотовством и страстью к игре. Он не отрывался от карточного стола сутками, просяживая отцовское состояние. Родители мягко корили его за расточительство, но никогда не ограничивали в средствах. Страсть к игре переросла в болезненную потребность рисковать.

Душевная хрупкость, доставшаяся в наследство от матери, стала наказанием Алексея Федоровича. Он пустил себе пулю в лоб, оставив лишь горы непогашенных долговых обязательств и расписок.

Елена Павловна не смогла пережить смерть любимого сына.

Шувалов много думал о предстоящей встрече с отцом. Они не виделись несколько лет. Что с ним теперь? Из кратких презрительно-высокомерных писем сестры он понял, что перемены были серьезны. Смерть старшего сына и скоропостижная кончина жены подорвали здоровье графа. Теперь это был убитый горем старик, в котором невозможно было узнать блистательного кавалера ордена Святой Анны, щеголя и англomана, известного своими роскошными приемами, на которые съезжался когда-то весь Петербург.

Иногда Николаю Федоровичу казалось, что его отец окончательно лишился рассудка: он ждал покойную жену к обеду или говорил о старшем сыне как о живом. И только присутствие дочери возвращало старого графа к реальности.

Сама Наденька была младше Николая Федоровича на десять лет и не была избалована богатством. Балы во времена ее юности уже стали для семейства Шуваловых непозволительной роскошью, она не помнила грандиозных петербургских приемов. В заграничные поездки Наденьку брали совсем ребенком, и поэтому оценить размах многочисленных путешествий она не могла.

Одетстве молодая графиня помнила смутно. Теперь ей предстояло забыть о фамильной гордости, терпя унижения от богатых родственников, которые раньше были в долгу у ее отца.

Шувалов вышел из комнаты и, оглядевшись, заметил в коридоре фигуру. Женщина вздрогнула и замерла в нерешительности. Шувалов направился к ней.

Ее грустная улыбка разбудила воспоминания юности. Время изменило прелестные черты, но всегда печальные, по-детски наивные глаза были все те же. Шувалов узнал горничную матери.

— Полина... — выдохнул граф. — Не думал встретить тебя здесь, на этом пепелище.

Женщина подошла ближе и с величайшей осторожностью дотронулась до его руки.

— Николай Федорович, это вы? — Она попыталась улыбнуться, но одинокая слеза скатилась по бледной щеке, предательски выдавая чувства.

— Я, Полина, я, — грустно проговорил граф. — А ты решила, что по дому бродит привидение?

Шувалов пристально смотрел на нее. Длинные темные волосы, собранные на затылке в тугой узел, нездоровый цвет лица, белизну которого подчеркивало черное пла-